

DOI 10.25991/AE.2019.78.75.014
УДК 82–32

Ю. У. Каскина

Каскина Юлия Узакбаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
kaskina@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО ТВОРЧЕСТВА М. ГОРЬКОГО

Важные для М. Горького концепты, наиболее ярко выраженные в его произведениях «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых», это — дело, человек, хозяин, семья. В отличие от мотива, концепт — многомерен и диалогичен, по сравнению с идеей — открыт и направлен на мир. Являясь не только принадлежностью художественного мира, но и личным, основанным на жизненном опыте представлением автора о жизни, концепт наполнен напряженными смыслами и ценностями. Концепты, многие из которых чрезвычайно актуальны сегодня, присутствуют в разных книгах Горького, что позволяет рассматривать концептуальность как основное свойство его творчества.

Ключевые слова: концепт, концептуальность, М. Горький, «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых».

Y. U. Kaskina

CONCEPTUALITY AS A FUNDAMENTAL PROPERTY OF M. GORKY CREATIVITY

Important for M. Gorky concepts, most vividly expressed in his works “Foma Gordeev” and “Delo Artamonovyh”, this is the case, man, master, family. Unlike motive concept is diverse and dialogichien, compared with the idea is opened and sent to the world. Being not only an accessory of the art world, but also personal life experience-based representation of the author’s life, the concept is filled with tense meanings and values. Concepts, many of which are extremely relevant today, present in different books, that allows to consider conceptuality as a basic property of his creativity.

Keywords: concept, conceptuality, M. Gorky, “Foma Gordeev”, “Delo Artamonovyh”.

Под концептуальностью мы понимаем философский взгляд автора на мир, основанный на стройной системе миропонимания. М. Горький несомненно имел руководящую идею и собственные взгляды на разнообразные явления в мире, в природе, в обществе, на человека. Некоторые из них, поступательно развиваясь, со временем менялись, другие носили довольно устойчивый характер. Философская система, мировоззрение писателя всегда отражались в его произведениях. Концепты, как широкий круг близких по смыслу мотивов, тем и понятий, являются «носителями» и художественных идей, и сокровенных мыслей автора. Из них, как из отдельных кирпичиков, складывается и идейная основа повести, и мировоззренческая картина ее создателя.

Для примера остановимся на «Фоме Гордееве» (1899) и «Деле Артамоновых» (1925), в которых наиболее ярко выражены важные для М. Горького концепты — дело, человек, хозяин, семья. И так, в отличие от мотива концепт — многомерен и диалогичен, по сравнению с идеей — открыт и направлен на мир. Являясь не только принадлежностью художественного мира, но и личным основанным на жизненном опыте представлением автора о жизни, концепт наполнен напряженными смыслами и ценностями.

Замысел повести «Фома Гордеев» исследователи связывают с присутствием Горького как корреспондента «Нижегородского листка» на Всероссийской промышленной выставке 1896 г., отмечают особо «интенсивное духовное развитие писателя»

в этот период [6, с. 591], его большой интерес к деятельным, смекалистым, работающим людям, сумевшим разбогатеть в переломное историческое время формирования капитализма в России.

«Беспощадное обличение мира хозяев, где господствует мораль хищника и право кулака» справедливо усматривают в повести современные горьковеды [7, с. 210]. Исторической и художественной «заслугой» Горького несомненно нужно считать то, что Горький, по словам Л. А. Колобаевой, «верно схватывает историю русского капитала в его внутренней логике и “человеческом” выражении, в его собственной типической самооценке — самоутверждении всех героев-купцов (...) и самосуде по-своему исключительного, но характерного Фомы Гордеева» [5, с. 86].

Концепт дело появляется на первых же страницах повести при характеристике Игната Гордеева. Когда сгорел его пароход, он ответил куму Маякину: «Пускай их — пароходы горят. И — хоть все сгори — плевать! Горела бы душа к работе...» [2, с. 185]. Интересно отметить, что имя Игнат латинского происхождения, от слова «ignis» — «огонь», переводится как «огненный», что соответствует страстной натуре героя: «Сильный, красивый и неглупый, он был одним из тех людей, которым всегда и во всем сопутствует удача — не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорее потому, что, обладая огромным запасом энергии, они по пути к своим целям не умеют — даже не могут — задумываться над выбором средств и не знают иного закона, кроме своего желания» [2, с. 183].

Ницшеанские мотивы сильной личности продолжает описание «трех душ» Игната Гордеева. Одна из них — алчная, и когда верх брала она, Игнат «в безумии жажды денег возвышался до поэзии» [2, с. 184]. Другая душа — страстная и окаянная — «буйная и похотливая душа раздраженного голодом зверя» [2, с. 185]. Так вот тогда Гордеев «как бы чувствовал, что он не хозяин своего дела, а низкий раб его» [2, с. 185], он напивался до полусмерти, буйствовал и развратничал. Появляется обнаруживающая свою двойственность в данном случае тема хозяина. Хозяин для своих работников, он сам работник, зависимый от собственного дела. Третья душа — покаянная. Широкой натуре Игната Гордеева, таким образом, свойственны — и глубина падения, и высота смирения.

Тема хозяина, жестокого и грубого, как одна из составляющих концепта дела, звучит в «уроках отца», объясняющего Фоме скорую расправу с ворчавшим матросом: «рассуждать я могу, потому что я — хозяин. Это не просто, хозяином-то быть!.. От зуботычины он не помрет, а умнее будет» [2, с. 210]. О людях-работниках, о сильных и слабых, о жалости и помощи — следующий урок Игната. Отец спешит поделиться накопленным опытом, передать свои наблюдения и впечатления о людях, вспоминает молодость и то, «как из простого работника он сделался хозяином большого дела» [2, с. 212].

Незадолго до смерти Игнат как бы подытожил свои наставления и дал, пожалуй, самое выразительное определение делу, сказав, что «дело — зверь живой и сильный». Назидание отца вновь изобилует красочными образами, выразительными сравнениями, оно закончено и определено. Оно об ответственности и силе, властности и уме человека-хозяина. «Вот что, Фома, ... скоро я помру... Тогда все дело на тебя ляжет... Ну, сначала крестный поможет тебе — слушай его! Начал ты... не худо, все обделал как следует, вожжи в руках крепко держал... Дай Бог и впредь так же... Знай вот что: дело — зверь живой и сильный, править им нужно умеючи, взнуздывать надо крепко, а то оно тебя одолеет... Старайся стоять выше дела... так поставь себя, чтоб все оно у тебя под ногами было, на виду, чтоб каждый малый гвоздик в нем виден был тебе...» [2, с. 253].

Наконец последнее завещание сыну, которое он делает перед смертью, заключает в себе традиционные для русских купцов заповеди о чести, бережливости, самостоятельности, с одной стороны, и выражает жизненное кредо Игната Гордеева, убежденного в сугубо материальном, практическом, земном назначении жизни — «чтобы взять», с другой. «Живи честно и твердо... Чужого не желай, свое береги крепко... На людей — не надейся... много от них не жди... Мы все для того живем, чтобы взять, а не дать...» [2, с. 260].

Фома Гордеев является продолжателем дела отца. Как человек он вполне симпатичен читателю.

Как начинающий бизнесмен Фома в меру активен, деловит, толков, честолюбив, тщеславен. Но как человек он по-прежнему одинок и неприкаян. Он готов работать, воспринимать мир радостно, готов даже тепло относиться к людям. Во время первой его самостоятельной деловой поездки торгового рейса в Пермь, когда стали разгружать хлеб, он впервые испытал возвышающую радость труда. «Шум опьянял его, и то смутное, что бродило в его душе, определилось в могучее желание самому работать, иметь сказочную силу, огромные плечи и сразу положить на них сотню мешков ржи, чтоб все удивились ему...» [2, с. 235] Такая работа напоминала музыку, лица «светились улыбками», раздавалась звонкая дружная песня. В то же время именно во время этой поездки он впервые проявил себя как хозяин — дикий, властный, необузданный, не терпящий возражений.

В диалоге с Тарасом, преклоняющимся перед трудоспособностью англичан, и советующим сестре читать Смайльса и Леббока, утверждающих, что «от человека требуется — немного: он должен избрать себе дело по силам и делать его как можно лучше» [2, с. 423] и далее безапелляционно произносящим афористическое «Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества» [2, с. 423], с чем действительно трудно спорить, Фома высказывает то, до чего он додумался. Это его сокровенные мысли о работе, о труде, о людях — хозяевах и работниках, о несправедливости, о смысле жизни. В них и сочувствие рабочим, и негодование в адрес богатых, и желание понять бедных, но умных. «Работа — еще не все для человека... — говорил он скорее себе самому, чем этим людям. — Это неверно, что в трудах — оправдание... Которые люди не работают совсем ничего всю жизнь, а живут они лучше трудящихся... это как? А трудящие — они просто несчастные лошади! На них едут, они терпят... больше ничего!.. Но они имеют пред богом свое оправдание... Их спросят: “Вы для чего жили, а?” Они скажут: “Нам некогда было думать насчет этого... мы всю жизнь работали!” А я какое оправдание имею? И все люди, которые командуют, чем они оправдаются? Для чего жили? А я так полагаю, что непременно всем надо твердо знать — для чего живешь» [2, с. 425].

В «Фоме Гордееве» конструктивные мысли, относящиеся к рассматриваемой теме вложены в уста других персонажей, в определенном смысле антиподов главного героя — в частности, крестного Фомы Якова Маякина и его сына «одумавшегося “нигилиста”» [5, с. 86] сибирского золотопромышленника Тараса.

Крестный Яков Маякин призывает протестующего, пытающегося освободиться от пут столь чуждого ему «дела» Фому к заведенному раз и навсегда порядку. Он взывает к разуму своего оппонента, чувству, долгу перед обществом, к ответственности в конце концов. Он заставляет слушателей вспомнить исторические корни и значение купече-

ского сословия, опираясь при этом на авторитет высоко ценившего купцов царя Петра Великого. «Мы, купцы, торговые люди, веками Россию на своих плечах несли и теперь несем...» [2, с. 375] «Мы фундамент жизни закладывали — сами в землю вместо кирпичей ложились, — теперь нам этажи надо строить...» [2, с. 375] В разговоре с дочерью Любовью, высказывающейся за всеобщее равенство и счастье, Маякин резонно и горячо возражает ей — невозможно всех уравнивать — «У каждого — душа своя... только тех, кто души своей не любит, можно обтесать под одну мерку...» [2, с. 376].

Яков Маякин произносит еще одну красивую и несомненную для Горького истину — «Человек ценен по сопротивлению своему силе жизни». Эти слова относятся к сыну Тарасу и имеют продолжение следующее — «ежели не она его, а он ее на свой лад крутит, — мое ему почтение!» [2, с. 379]. Маякину нравится жить, нравится рост технического прогресса, он задумывается и о культуре. И докладывает, подводя итог размышлениям, своим сословным друзьям: «культурный человек тот будет, который любит дело и порядок... который вообще — жизнь любит устраивать, жить любит, цену себе и жизни знает...» [2, с. 442]. С гордостью он перечисляет заслуги купечества — и в развитии судоходства на Волге, и в городском строительстве, в том числе и храмовом, и на поприще благотворительности, и в наведении общественного порядка.

Тарас Маякин, говоря об англичанах, высоту культуры связывает с любовью к труду, а все это вместе, по его мнению, способно глубже удовлетворить потребности и обеспечить дальнейший рост прогресса. «Счастье, — говорит он, отвечая на вопросы Фомы, — возможно полное удовлетворение потребностей» [2, с. 424]. Такой взгляд, действительно, преобладает в обществе потребления.

По-видимому, не случайно главные и ценные, актуальные мысли, с которыми трудно не согласиться, вложены в уста антагонистов Гордеева-младшего Маякиных — отца Якова Тарасовича, крестного Фомы, — о созидательном труде, об исторической роли купечества, старании этого сословия приобщиться к достижениям культуры. И сына Тараса — о любви к труду, о самоуважении, о культуре труда, о значении технического прогресса; наконец, об англичанах, как образце для подражания для русских в этих вопросах. Фома, конечно, тоже много размышляет о труде, о деле, о своем месте в этой жизни, но его рассуждения носят чаще весьма отвлеченный и мрачный характер. Хотя именно у него, пожалуй, единственного, являются и мысли о социальной справедливости, и в то же время о моральном разложении большинства представителей его сословия, уродливости и бесчеловечности их внутренних взаимоотношений.

Повесть «Дело Артамоновых», замысел которой возник двумя десятилетиями раньше, написана в 1924–1925 гг. Изобразив жизнь трех поколений семьи на протяжении более полувека, Горький по-

казал формирование, развитие, крушение «дела» и семьи Артамоновых, в судьбе которых отразились основные особенности исторического пути купеческой, буржуазной и интеллигентской России [4]. Начинается роман созерцанием Ильей Артамоновым строящейся фабрики. Тревожным предчувствием выглядит сравнение ее с «гробом без крышки» [3, с. 129]. Артамонов прикидывает перспективы, оценивает деловые способности сыновей. Алексей — «задорен и вспылчив», в Петре, напротив, он не видит задору, а без задора, как он метко выражается — «ни родить, ни убить».

Действительно, Петр относится к делу боязливо и равнодушно — «не наше бы это дело, фабрика. Нам бы лучше податься в степи, купить там землю, крестьянствовать. Шума-то было бы меньше, а толку — больше» [3, с. 135]. Оставшись ненадолго за хозяина, когда отец уехал в Москву, он ворчит и жалуется: «взвалил отец на мои плечи всю эту машину. Верчусь колесом, а куда еду — не знаю. Если у меня не так идет, как надо, — задаст он мне» [3, с. 134]. В то время как его отец увлечен своим успешным строительством, горит в работе, видит большие перспективы в будущем. Артамонов думает о детях, внуках, о всеобщей пользе и выгоде. Он радостно заявляет: «Дела наши должны идти, как солдаты. Работы вам, и детям вашим. И внукам довольно будет. На триста лет. Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, Артамоновых!» [3, с. 135] И удовлетворенно констатирует — «в Москве дела — огнем горят!» [3, с. 137].

Артамонов-старший учил детей относиться к «делу» с интересом и с удовольствием, самим принимать участие в стройке. Автор даже отмечает, что он частенько «работал напоказ, не скрывая своей цели: воодушевить детей страстью к труду.

— Все делайте, ничем не брезгуйте! — поучал он и делал много такого, чего мог бы не делать, всюду обнаруживая звериную, зоркую ловкость, — она позволяла ему точно определять, где сопротивление силе упрямее и как легче преодолеть его» [3, с. 138]. Вспомним яркое сравнение дела со зверем в «Фоме Гордееве».

Петра чаще других как будущего хозяина наставлял отец, обнаруживая при этом гибкость настоящего психолога и опираясь на заключенную в пословицах и поговорках народную мудрость: «Ты, Петр, сухо с рабочими говоришь и все о деле, это — не годится, надобно уметь и о пустяках поболтать. Пошутить надо; веселый человек лучше понятен. ... Шутка — минутка, а заряжает на час» [3, с. 145]. Алексею он говорит, что тот «неловок с людьми, криклив, придирчив» [3, с. 145].

О деле на все лады говорят многие герои произведения. Древний девяностолетний ткач Борис Морозов, чьи дети и внуки работали на фабрике, восторженно кричит: «ты — хозяин, ты дело любишь, и оно тебя. ... Катай во всю силу» [3, с. 155]. В образе старого ткача здесь, даже внешне похожего на смерть, высоко превознесшего в своей речи Ар-

тамонова, и высоко поднятого в прямом смысле слова хозяином на руках над людьми, будто бы кроется предупреждение, затаенная угроза, осуществившаяся скоропостижной гибелью главного героя. После смерти Артамонова наследниками и продолжателями семейного дела становятся Петр и Алексей.

Петр — рефлексивный герой, ему принадлежат афористические высказывания о «деле» и об отношении к «делу» отца и братьев, которых мы видим сквозь призму именно его восприятия. «Отец веселье в работе видел. У него так выходило: просто людей нет — все работники, кроме нищих да господ. Все живут для дела. За делом людей не видно» [3, с. 173], — произносит он в разговоре с женой, объясняя ей их общую невеселую жизнь. Он, скорее всего, справедливо, считает, что Алексей взял на себя наиболее легкую часть «дела». Так как Алексей ездил на Нижегородскую ярмарку, бывал в Москве, с восторгом рассказывал о столичных промышленниках. Он не утерял юношескую веселость, в чем-то стал похож на отца, учил брата: «дело делать надо шутя, дела скуки не любят» [3, с. 185].

Интересно описание развившегося производства и изменившейся окружающей действительности. Концепт дела приобретает черты живого существа — «Раздуваемое Алексеем дело все шире расплодилось по песчаным холмам над рекою» [3, с. 216]. А природа, пораженная человеческим использованием, производит общее впечатление угасания, загрязнения, загнивания. Поля «потеряли свою золотистую окраску», сорные травы «все обильнее разрастались, ярче зеленели», осенняя листва, «изгнивая, убодряет жиреющий песок» [3, с. 216]. Фабрика приобретает антропоморфические черты, она описывается как большое живое существо, изнуренное непосильным трудом. Петру «до гордости приятно» было «сознавать себя хозяином всего этого». Здесь тема хозяина и шире — хозяйствования — захватывает и окружающий мир, во многом предвосхищая нынешние экологические проблемы.

Но иногда наступала усталость, и Артамонову казалось, что «его схватили и вертят невидимые цепкие руки, целодневный шум, наполняя голову, не оставлял в ней места никаким иным мыслям, кроме тех, которые внушались делом, курчавый дым фабричной трубы темнил все вокруг унынием и скукой» [3, с. 216]. В сознании Петра дело ассоциируется с медведем, «оно облапило и держит. Дело человеку — барин» [3, с. 219]. Так он высказался однажды, и оказался осмеянным на вечере, где собралась молодежь, у брата Алексея. Провожая приехавших на каникулы сыновей, Петр и хочет что-то сказать старшему сыну Илье, и не может позволить себе жаловаться мальчишке, что «скучно жить в комариной туче однообразных забот о деле» [3, с. 222]. После знакомства с Поповой — уютной, красивой и умной женщиной, в мечтах о тихой беззаботной жизни фабрика представилась ему в виде «красного, жирного паука ... все шире ткавшего свою паутину» [3, с. 225].

Как видим, зооморфизм, наличествующий в «Фоме Гордееве» в единичном сравнении дела со зверем, в «Деле Артамоновых» выступает в нескольких вариантах, в парах: дело — медведь, дело — паук.

Совсем иначе относится к делу Алексей. Петр хоть и сердится, но понимает разницу между ними — разницу в характерах, свойствах ума, темпераменте. «В доме Алексея все было несерьезно, несолидно; Артамонов старший видел, что разница между его жизнью и жизнью брата почти такова, как между монастырем и ярмарочным балаганом» [3, с. 217]. Ему не нравились люди, собиравшиеся у Алексея: «Артамонов всем существом своим чувствовал, что это — не настоящие люди, и не понимал — зачем они брату, хозяину половины большого, важного дела? Слушая их крики, он вспомнил жалобу попа: “Желают многого, но — не главного”. Он не спрашивал себя — в чем и где это главное, он знал, что главное — в деле» [3, с. 218]. После посещения ярмарки, сорвавшись и покутив хорошенько, чуть ли не единственный раз в жизни, Петр возвратился домой к привычному укладу: «Дело делать надо, больше ничего! — убеждал он себя. — Все люди делом живы. Да!» [3, с. 275]. Умиравшему Никите он обиженно говорит: «Я весь век жил в людях волком, а ты — живешь котом» [3, с. 335]. К сыну Якову он приходил в контору, долго сидел и жаловался, «что вот он отдал все свои силы фабрике, детям, всю жизнь прожил запряженный в каменные оглобли дела, в дыму забот, не испытав никаких радостей» [3, с. 330]. И Яков понимал, что так жить он не хочет. Жизнь Петра — среднего хозяина «дела» — долгая, тягучая, наполненная трудами и заботами о фабрике, заканчивается драматически: его выгнали из собственного дома, имущество отобрали, наступил частичный паралич, и дворник Тихон Вялов — этот всезнающий дух дома, сказав разоблачающую правду о нем и его семье, окончательно уничтожил его морально.

Суждения о деле Тихона Вялова, олицетворяющего, по словам М. Бахтина, демона мести [1], своеобразны, иносказательны и всегда обидны для Петра. Так, во второй части повествования, когда прошло девять лет со смерти отца, семья идет с панихиды, и Петр произносит просто так: «разрослось дело», он слышит невозмутимый голос дворника — «Дело, как плесень в погребе, — своей силой растет» [3, с. 182]. В другой раз он со значением, но как бы между прочим, говорит: «дело — перила человеку; по краю ямы ходим, за них держимся» [3, с. 232], затем присказкой продолжает: «делам черт Каина обучил» [3, с. 233]. В последнем случае «дело» выступает совсем в ином смысле — не как бизнес, а как дела — уголовные, преступные, разбойные. Этот намек, конечно, не остается незамеченным для читателя, но полностью он раскрывается в последнем разоблачающем монологе Тихона в конце повести. Его хозяйское поведение вносит дополнительные коннотации в тему хозяина: «по двору ходил тяжелый, аккуратный, как машина, строгий к людям Тихон Вялов с метлой, с лопатой в руках, с топором;

он, не торопясь, мел, копал, рубил, покрикивал на мужиков, на рабочих» [3, с. 276]. Оказывается, можно быть, или ощущать себя, хозяином, и не имея материального имущества, но имея для этого веские моральные причины.

В романе возникает несколько очень важных для Горького и устойчивых в его творчестве тем. Это вопрос о человеке. Он звучит в спорах молодежи (это уже третье поколение), в частности племянника (сына Алексея) Мирона с одним из его товарищей Горицветовым. Мирон считает, что «жизнь — борьба» [3, с. 277], «человек — бездельник. . . его спасение в развитии промышленности» [3, с. 278], Горицветов патетически восклицает: «что сделаете вы с человеком?», «заковав землю и людей в железо, сделав человека рабом машины. . .» [3, с. 277]. «У которого — правда? Который лучше?» [3, с. 278] — задавался вопросом Петр Артамонов. А вместе с ним и сам Горький, и мы — его читатели из XXI века. Сделает ли развитие техники и промышленности жизнь человека лучше и осмысленней, станет ли он от этого счастливее и милосерднее? Это — один из тех вечных вопросов, на которые всегда трудно ответить однозначно, но от нашего правильного выбора, от ответа на них порой зависит наша дальнейшая жизнь.

Другой вопрос — вопрос о сочувствии и поддержке, столь необходимых каждому. А, следовательно, о человеке, умеющем выслушать, поддержать, утешить. Хрестоматийный странник Лука, забредший в ночлежку, по сей день вызывающий споры о горькой правде и утешительной лжи, из «На дне» трансформируется здесь в утешителя другого рода. И для другого рода людей — Петр богат, крепок, деловит, но порой испытывает безысходную и почти необъяснимую тоску и бессилие что-либо понять в своей (и не только своей) жизни. «Артамонов очень подружился с Утешителем. Время от времени на него снова стала нападать скука, вызывая в нем непобедимое желание пить» [3, с. 281]. Его «утешителем» становится веселый балагур и умелец плотник Серафим — и игрушки, и гробы детям мастерил он одинаково проворно и искусно. Меняется и сама наполненность «утешительства». «Слушать его речи Артамонову было дважды приятно; они действительно утешали, забавляя, но в то же время Артамонову было ясно, что старичишка играет, врет, говорит не по совести, а по ремеслу утешителя людей» [3, с. 282]. Тут уже не философский спор о сладкой, но утешительной лжи, и горькой истине, а нечто более простое и примитивное, прикладное, если можно так выразиться. «Утешителем» в сознании Петра становится тот, кто способен отвлечь от важных, но наскучивших дел, серьезных мыслей, беспричинной тоски, экзистенциального одиночества. Он «вспоминал разных утешителей, которых видел в жизни: бесстыдных женщин ярмарки, клоунов цирка и акробатов, фокусников, укротителей диких зверей, певцов, музыкантов и черного Степу, “друга человеческого”. В брате Алексее тоже есть что-то общее с этими людьми» [3, с. 282]. Мельчают

идея, мельчают ее носители и проводники. И возникает вопрос — снова из разряда вечных — а что способно утешить нас — сегодняшних? И от чего нам хочется отвлечься, чем и как утешиться?

Тема вечного противостояния западничества и славянофильства едва намечена в небольшом эпизоде, где важным представляется то, что она дана в восприятии Петра Артамонова, с которым кажется нам сходной авторская позиция. «Противен был бездельник Горицветов; он мелькал, как стриж, неожиданно являлся, исчезал, снова являлся и, насакивая на всех злой, маленькой собачкой, кричал свое:

— Вы хотите превратить богато одухотворенную Россию в бездушную Америку, вы строите мышеловку для людей. . .

В этих криках Артамонов слышал иногда что-то верное, но чаще — нечто общее с глупостью Тихона Вялова, хотя он не знал людей, более различных, чем этот обожженный, судорожный прыгун и тяжелый, ко всему равнодушный Тихон» [3, с. 288]. Здесь нужно вспомнить взгляды Горького на промышленность, технический прогресс, Америку, цивилизацию и Россию — ее особенный уклад, плюсы и минусы ее патриархальности.

Итак, «Фома Гордеев» сегодня прочитывается нами как жизненная повесть об историческом времени зарождения капитализма, о драматической судьбе начинающих свое «дело» людей, о непохожих на них детях, зачастую не желающих и не умеющих продолжить созидательный труд отцов. «Дело Артамоновых» — произведение более позднее, более сложное и насыщенное многими смыслами, идеями, темами, концептами, не утратившими своей актуальности сегодня. Писатель видел противоречия, которыми накануне революции была раздираема Россия, и сумел их мастерски изобразить. Устойчивые концепты присутствуют в разных книгах Горького, что позволяет рассматривать концептуальность как основное свойство его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Горький «Дело Артамоновых» // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 2. М.: «Русские словари». 2000. С. 408–410.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 4. М.: Наука, 1969. 591 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 18. М.: Наука, 1973. 552 с.
4. Каскина Ю. У. Атамановы-Артамоновы в водовороте истории // М. Горький — художник и мыслитель: Горьковские чтения 2016 года — Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. С. 105–112.
5. Колобаева Л. А. Максим Горький // История русской литературы XX века. В 2 ч.: ч. I. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт. 2013. С. 72–126.
6. Смирнова Л. Н. Примечания // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 4. М.: Наука, 1969. 591 с.
7. Спиридонова Л. А. М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.